

ENDANGERED LANGUAGES OF THE PACIFIC RIM

A2-
035

Yukari NAGAYAMA ed.

НИЙИҢТЫҢИН ҢИЛҢЫН

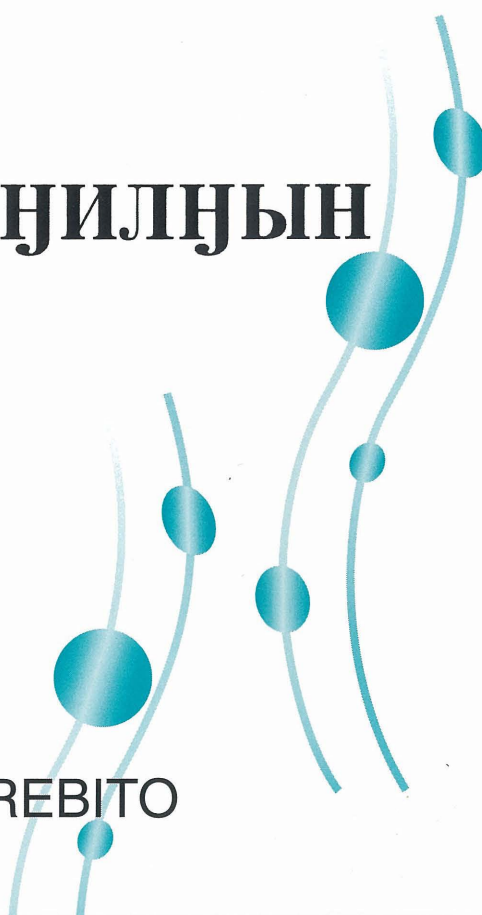
The Magic Rope
(Koryak Folktale)

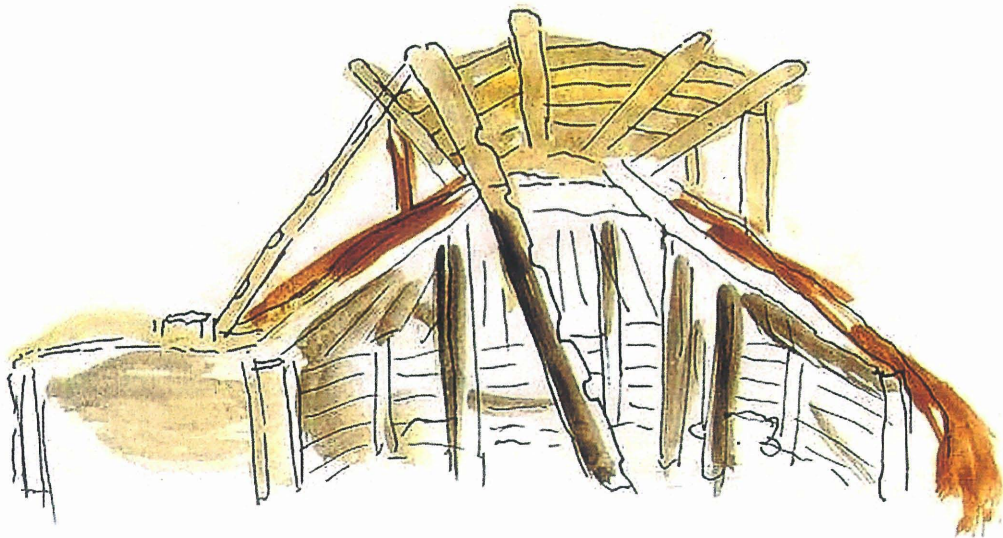
ВОЛШЕБНАЯ ВЕРЕВКА
(КОРЯКСКАЯ СКАЗКА)

with Preface by Megumi KUREBITO

— ELPR —

НЫЙИҢТЫҢИН ҢИЛҢЫН

ВОЛШЕБНАЯ ВЕРЕВКА (КОРЯКСКАЯ СКАЗКА)

Рассказала
Амчех
Вера Кайзевна

Пересказала
Милгичил Нина Николаевна

Рисунки Гилёвой (Хелол)
Людмилы Мионовны

НЫЙИҢТЫҚИН ҢИЛҢЫН

ВОЛШЕБНАЯ ВЕРЕВКА (КОРЯКСКАЯ СКАЗКА)

Рассказала

Амчех Вера Кайзевна

Пересказала

Милгичил Нина Николаевна

Расшифровка и перевод на русский язык

Прониной Евдокии Павловны

Рисунки

Гилёвой (Хелол) Людмилы Мироновны

Редактор Нагаяма Юкари

Предисловие Курэбито Мэгуми

コリヤークの民話

「ふしぎななわ」

(「環太平洋の言語」 成果報告書A2-035)

発行日 平成15年3月25日
刊行責任者 大阪学院大学情報学部
文部科学省科学研究費補助金「特定領域研究『環太平洋の
「消滅に瀕した言語」にかんする緊急調査研究』」
領域代表 宮岡伯人
総括班代表 崎山 理・遠藤 史 (編集担当)
〒564-8511 大阪府吹田市岸部南2丁目36-1
TEL: 06-6381-8434 (代表) (内線5058)
編集 永山ゆかり (北海道大学大学院)
序文 呉人 恵 (富山大学)
語り ニーナ・ミルギチル
挿絵 リュドミラ・ギリョーワ (ヘロル)
印刷 中西印刷株式会社
〒602-8048 京都府京都市上京区下立売通小川東入
TEL: 075-441-3155 (代表)

НЫЙИҢҢТЫҚИН ҢИЛҢЫН

The Magic Rope

(Koryak Folktales)

ВОЛШЕБНАЯ ВЕРЕВКА

(КОРЯКСКАЯ СКАЗКА)

(ELPR Publications Series A2-035)

Published: March, 2003

Project Director: MIYAOKA, Osahito

Editorial Board: SAKIYAMA, Osamu, and ENDO, Fubito (Assistant)

Grant-in-Aid for Scientific Research on Priority Areas

Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology

Endangered Languages of the Pacific Rim

Faculty of Informatics, Osaka Gakuin University,

2-36-1 Kishibe Minami, Suita, Osaka 564-8511, JAPAN

TEL: +81-6-6381-8434 (extension: 5058)

E-mail: elpr@utc.osaka-gu.ac.jp

Editor: NAGAYAMA, Yukari (Graduate School, Hokkaido University)

Preface: KUREBITO, Megumi (Toyama University)

Narrator: Nina MILGICHIL

Illustrator: Lyudmila GILYOVA (Khelol)

Printed by Nakanishi Printing Co., Ltd.

Shimotachiuri Ogawa Higashi, Kamikyoku, Kyoto 602-8048, JAPAN

TEL: +81-75-441-3155

ISSN 1346-082X

Copyright is jointly held by all the authors.

Милгичил Нина Николаевна

Nina Nikolaevna Milgichil

Гилёва (Хелол) Людмила Мироновна

Lyudmila Mironovna Gilyova (Khelol)

Предисловие

Я и Нагаяма Юкари, редактор данного издания, вместе занимаемся изучением корякского языка, распространенного в Корякском автономном округе, на севере полуострова Камчатка. Она проводит свои исследования на Камчатке, а я же работаю в материковой части Северо-Эвенского района магаданской области. В наших работах присутствуют не только географические, но и лингвистические отличия. Ю. Нагаяма исследует алоторский язык, долгое время считавшийся одним из многих диалектов корякского языка, (в настоящее время признан в качестве самостоятельного языка), а моей же специальностью является чавчувенский диалект коряков-оленевонов, на основе которого создан нормативный корякский язык.

Занимаясь описанием грамматики алоторского языка и чавчувенского диалекта, сбором лексического и фольклорного материала и другим языковыми исследованиями, мы постоянно ищем способы предоставить результаты своей деятельности народам, говорящим на этих языках. Издание иллюстрированных книг для детей и является одним из этих способов.

Несмотря на то, что я начала заниматься этими книгами чуть раньше, чем Ю. Нагаяма, данное издание “Волшебной веревки” в некоторых моментах превосходит мои работы. Во-первых, в этом издании используется микинский диалект, описания которого еще ранее не проводилось. Здесь также стоит отметить то рвение, с которым редактора подошел к восстановлению микинского вариант уже готового текста на чавчувенском диалекте. Во-вторых, иллюстрации были сделаны художником из корякского народа. Впервые увидев эти иллюстрации, меня привели в восторг та нежная красота, точное и живое изображение корякской жизни, что мог передать только сам коряк. Никто, кроме коряков не сможет так красиво рассказать корякскую сказку, записать ее и оформить рисунками, потому что это сказка есть часть их собственной жизни.

Я надеюсь, что эта прекрасная книга будет любима во всем народе и будет передаваться из поколения в поколение как бесценное его наследие.

Мэгуми Курэбито
Университет Тояма

Preface

Koryak is spoken across the northern part of Kamchatka peninsula, in the Koryak Autonomous Region. Yukari Nagayama, the editor of this work, and I both work with the Koryak language, although separately from each other: she is in the Kamchatka peninsula, and I in the Magadan region of the continental area. We are separated not only geographically, but also linguistically because Koryak has various dialects. Of these dialects, Ms. Nagayama investigates Alutor, which is considered a Koryak dialect although it has recently gained independent status as a language. And I research the Chavchoven dialect of the reindeer Koryak, on which standard Koryak is based.

Ever since we began linguistic work on the Alutor language and Chavchoven dialect in order to maintain these languages (to describe the grammar, collect vocabulary and record folklore texts) each of us has tried to find ways to return to the community some of the fruits of our investigations. Publication of picture books is one such attempt.

Although I began to publish picture books earlier than Ms. Nagayama, this book, "The Magic Rope", precedes my work in a number of ways. First, the Mikino dialect, which was not described in earlier research of Koryak, is used. It is to the special credit of the editors that they have made such an effort to restore the Mikino dialect, even though there already existed a text in the Chavchoven dialect. Secondly, a Koryak artist illustrated this fairy tale. From when Ms. Nagayama first showed me the illustrations, I was fascinated by the gentle beauty of these vivid images of Koryak life. Nobody could describe this better than the Koryaks themselves.

The best Koryak fairy tale is one told by the Koryak, written down by the Koryak and illustrated by the Koryak. This makes it their own. In this sense, I hope that this beautiful book will be a favourite for a long time and be passed down through the generations as part of the heritage of the Koryak people.

Megumi Kurebito
Toyama University

История создания сказки “Волшебная Веревка”

На севере Камчатки по побережью Пенжинской губы Охотского моря располагались недалеко друг от друга древние маленькие поселения береговых коряков (нымыланов: каменцев, паренцев, итканцев).

Село Микино находилось между Манилами и Паренью, селами, которые сейчас существуют. В 50-60 годы из-за “неперспективности” маленьких сел закрыты Микино, Орночки, Иткана Верхняя и Средняя, Шестаково, Тайгонос и другие. Береговые коряки охотились на морзверя, ловили рыбу, обшивали из шкур оленя, вымененные на шкуры лахтака, одежду, обувь, пологи, заготавливали впрок съедобные растения. После закрытия сел, жителей отправили в Манилы, Каменское, Парень. До сих пор в селе Манилы люди больше общаются друг с другом по родным селам, стараясь хоть таким образом сохранить свой язык, легенды, историю. Но большей частью, люди старшего поколения не вынесли расставания с родными местами, уйдя к “верхним людям”.

Так, Вера Кайзевна Амчех, уроженка села Микино, знавшая много легенд и сказок коряков-каменцев, автор сказки “Волшебная Веревка”, долгое время переезжала из одного села в другое, скучая по родному Микино. Вечерами, вспоминая о родном селе, Амчех рассказывала маленькой племяннице Нине свои сказки. С 1962 года Нина Николаевна Милгичил осознанно воспринимала рассказы тети, записывая их в дневнике.

В конце 60-х годов сотрудники Окружного научно-методического центра народного творчества (ОНМЦ) разъезжали по всем селам Корякского автономного округа, записывая фольклор народов Севера. Зав.кабинетом по фольклору ОНМЦ Александра Трифионовна Уркачан встретила с Ниной Милгичил, которая рассказала ей сказку “Волшебная Веревка”. А.Т. Уркачан перевела ее с микинского на чавчувенский и русский языки, так требовалось для издания в 70-80 годах. Эти материалы хранились в фондах ОНМЦ для работы агиткультбригад.

В начале 90-х годов Людмила Мироновна Хелол (двоюродная сестра Н.Н. Милгичил) решила проиллюстрировать сказку “Волшебная Веревка” и А.Т. Уркачан предоставила отпечатанный текст. Рисунки этой сказки были так живописны, ярки, что многие, видя только ксерокопии иллюстрации, хотели бы видеть эту сказку в издании. Юкари Нагаяма показала работу Л.М. Хелол

профессорам Японии. В результате выделены средства на издание сказки “Волшебная Веревка” с обязательным восстановлением текста на микинском диалекте.

По просьбе в мае 2002 г. Н.Н. Милгичил восстановила сказку на микинский диалект, записав ее на диктофон. С аудиозаписи на бумагу переложила Евдокия Павловна Пронина и отредактировала на русский. Надежда Кайзевна Хелол, сестра В.К. Амчех, прослушав кассету вместе с Ю. Нагаяма, исправили текст, приблизив его к микинскому диалекту. Стоит отметить, что влияние других диалектов корякского и чукотского языков все-таки имеют место в повествовании этих сказителей, постоянно общающихся в больших населенных пунктах с разными диалектами. И по прошествии 50 лет после закрытия села Микино, мы не можем с точностью сказать, что эта сказка более приближена к языку, на котором говорили жители данного села.

В каждом селе и сейчас живут люди, записывающие в дневниках, на магнитофонах легенды, сказки, быт на своем языке, как Нина Милгичил. И их материалы ждут открытий и изданий, надеемся, что это издание сказки не последнее.

Нам кажется, что эта книга будет зримой частицей большого вклада в сохранение богатой духовной культуры, наследия береговых коряков и подарком детям, народам Севера и всему Человечеству.

Татьяна Мироновна Хелол
Юкари Нагаяма

A short history of “the Magic Rope”

North of Kamchatka, along the coast of Penzhina on the edge of the Okhotsk Sea, the ancient, small villages of maritime koryaks (nymylans: inhabitants of Kamenskoe, Paren, Itkana) were located near to each other.

Maritime koryaks hunted on sea mammals, caught a fish, sheathed from reindeer skins, which exchanged on skins of the bearded seal, clothes, footwear, bed curtains, stored up edible plants.

The village of Mikino was between the villages of Manily and Paren, which still exist today. Between 1950 and 1960 the small villages of Mikino, Ornochiki, Itkana, Shestakovo, Taygonos and others were abandoned because of “a lack of prospects”. The inhabitants were sent to Manily, Kamenskoe, and Paren. In Manily people from the same native village still communicate with each other, in an attempt to keep their language, legends and history alive. Mostly, the older generation found it very difficult to adapt to a new way of life and they passed away still longing for their former homes and communities.

So, Vera Kajzevna Amchekh, who was born in Mikino, knew many legends and folk tales of the Kamenskoe koryaks and is the author of the folk tale “the Magic Rope”, moved from one village to another for a long time, always missing her native Mikino. In the evenings, remembering the native village, Amchekh told fairy tales to her small niece Nina. Starting in 1962, Nina Nikolaevna Milgichil began to understand the value of her aunt’s stories and to write them down in notebooks.

At the end of 1960’s members of the regional scientific-methodical centre of national creation (ONMC) drove through the villages of the Koryak autonomous region, writing down the folklore of the Northern peoples. The chief of the cabinet on folklore in ONMC, Aleksandra Trifonova Urkachan, met Nina Milgichil, who told her fairy tale “the Magic Rope”. A.T. Urkachan translated it from the Mikino dialect into the Chavchoven dialect and Russian because in those days books could only be published in Chavchoven, which was regarded as the standard Koryak dialect. These materials were stored by the ONMC for use by the agitational brigade of culture.

At the beginning of the 1990’s, Ludmila Mironovna Khelol (cousin. N.N. Millgichil) decided to produce illustrations for the fairy tale “the Magic Rope” and A.T. Urkachan supplied the printed text. The resulting pictures were so picturesque and bright, that many, seeing only xerox copies, wanted to see the fairy tale published as a book. Yukari Nagayama showed L.M. Khelol’s work to some Japanese

professors and as a result the means for the publication of this fairy tale were found.

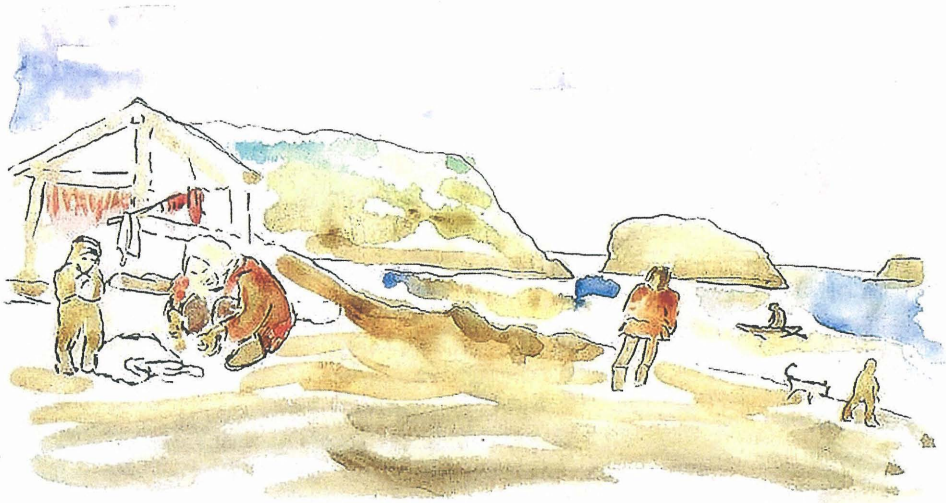
For publication, it was decided to restore the original text in the Mikino dialect. In May 2002, N.N. Milgichil recorded the fairy tale in the Mikino dialect on a tape-recorder. Evdokia Pavlovna Pronia transcribed it from the audio recording and edited it in Russian. Nadezhda Kaizevna Khelol, the sister of V.K. Amchekh, corrected the text with Y. Nagayama and tried to produce a text as close as possible to the original Mikino dialect. It is necessary to note that the influence of other dialects of Koryak and Chukchi languages can be heard in the narrated text. This is because in the large villages the narrator is constantly communicating in different dialects and now, fifty years after Mikino was abandoned, we can not tell with absolute accuracy how the inhabitants spoke.

In each village, there are people now recording legends, fairy tales and their lives in their own language in notebooks and on tape recorders, just like Nina Milgichil. Their materials wait for discovery and publication, too. We hope that other books will follow this edition.

We also hope that this book will be an important contribution towards preserving a rich spiritual culture, the heritage of the Maritime Koryaks, and be a gift to children, the peoples of the North, and to all mankind.

Tatiana Mironovna Khelol
Yukari Nagayama

Ыньыг'ан нытваҥвоқэнат аңқатайнык Митэ эк Куйкыняку. Ынкэ аңқатайнык нытайнатқинат, милқык ненаннепатқэнав' тавг'алу, гиҥлу, лалңу ненаныпг'ав'қэнав'.

Выг'ак гаҥволэн гитак Куйкынякунак пыг'алг'о лалңу ҥыволай тымҥэвык. Куйкыняку эвыҥ: “Митэ, микнак-аму акмитыкынин пыг'алалңу? Яво-о, мынпын милқык аччынгиҥ!”

Ҧанко нытваҥвоқэн ыппулюқин Кала. Ҧанэнынак нэнакмэньывоқэн пыг'алалңо. Гымлаҥ гатав'аҥлэн, эвыҥ: “Яво-о, мылқытык Мэтэнаҥ, Куйкынякунаҥ, мылалңусқивык!” Ыньыг'ан ыллыг'а ниннив'қин: “Гытта-а ыньыг'ан ичча? Куйкынякунак-ыно ныг'акмитги! Авалёмкэ!”

Давно это было. Жили у самого моря Куйкыняку и его жена Миты. Здесь же, на берегу, заготавливали рыбу на зиму, сушили на юкольнике юколу, телюшку и икру, складывали их в балаган.

Однажды стал замечать Куйкыняку, что каждый день часть сушеной икры куда-то исчезает. Удивлялся Куйкыняку: “Миты, кто крадёт нашу икру?” Решил Куйкыняку: “Поставлю-ка я в юкольнике сеть с мелкими ячеями! Попадётся вор!”

В это время неподалёку жил маленький Кала. Он и крал ту сушёную икру у стариков. Захотелось маленькому Кале опять полакомиться сушеной икрой. “Нельзя так поступать, проказник! Вот поймает тебя Куйкыняку!” — сказала ему мать.

Гымлаң гатав'аңлэн Кала.
Гатыпгаллин милқык, җанко
сақык-аму гайпылэн.

Митив' Куйкыняку
гатыпгаллин, галаг'олэн,
синна-аму җанко гағфалэн:

— Синна-қыт ынзин? Сақу-
қот мытайкыги? Гаймат,
мытайкын Мэтэнаң чаючгын?

Қайкала эвың:

— Гыта-а чаючгу
атайкыка! Ыно,
тыяпиклатикын!

— Гаймат, айколано
мытайкын? — эвың
Куйкыняку.

— Гыта-а айколано атайкыка! Г'аччең-ыно җанзен айкол
ситың!

— Синна-қыт мытайкын?

— Җилңу қинатайкыги! — Қайкала эвың. —
Тывинсатикыниги гынык, ымың тагийникңык
тыявинсатикыниги, винсатычг'у тыг'итикыниги!

Но не стал Кала слушать материного совета, все же залез в балаган Куйкыняку.
Тут и попался в расставленную сеть.

На следующее утро пошёл Куйкыняку проверить свою ловушку. “Ой, что это
попалось в мою сеть?” — удивился он.

Стал размышлять Куйкыняку:

— Что же мне из этого смастерить? Может, сумку для Миты сделать?

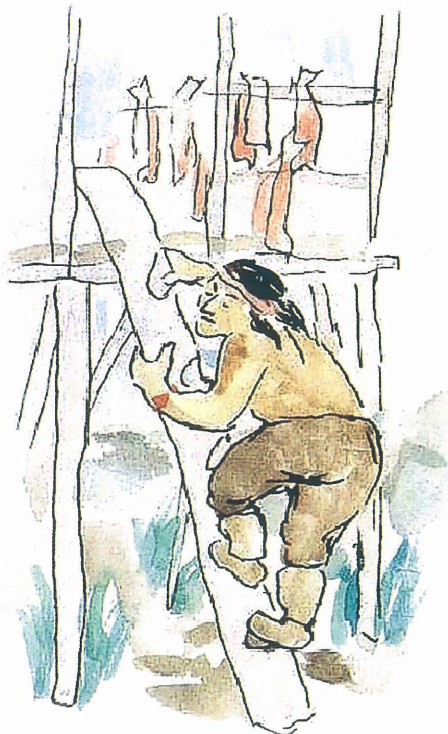
— Не надо из меня сумку делать! — закричал маленький Кала, — Душно мне
будет!

— А Может постель из тебя сделать?

— Не надо из меня постель делать! Плохой та постель будет!

— Что же тогда из тебя сделать?

— Свей из меня Верёвку! Я стану тебе хорошим помощником! Во всём тебе
помогать тебе стану.

К у й к ы н я қ у н а к
г а т а й к ы л ە н Ҳ и л ң ы н .
Г а н н ە п а л ە н , г а н ы п г ' а в ' л ە н
ы н з и н Ҳ и л ң ы н .

М и т ە - э в ' г а ң в о л ە н
т и й к ы т и й н ы л қ у т қ и н ,
ы н о , ң а н ە н ы н а к Ҳ и л ң а
г а ң в о л ە н й ы к с а в ы к
К у й к ы н я қ у н т и :

— М и т ە , К у й к ы н я қ у !
Қ ы к с а в ' т ы к ! Ы н о - г ' а т ,
т и й к ы п и л ь к у к с а в ы ң !

И - и , н ы т а л қ ە н а т ң а е й
К у й к ы н я қ у н т и т а г и й н и к ң ы к . М и ң к ы , э т у н , н ы л қ ы т қ и н ,
ң а е н Ҳ и л ң ы н н и н а к м и т қ и н , в ' и н с а т ы ч г ' у қ о н ы ң н и т қ и н ,
ы м ы ң с а қ ы ң ң ы в о й т а г и й н и к ң ы к .

Т а к и п о с т у п и л
К у й к ы н я қ у . С в и л о н В е р ё в к у .
О к а з а л а с ь т а В е р ё в к а
в о л ш е б н о й . П о м о г а е т о н а
с т а р и к а м в о в с ь м . У т р о
н а с т у п а е т , н а ч и н а е т В е р ё в к а
б у д и т ь и х : “ П р о с ы ш а й т ь с ь ,
К у й к ы н я қ у и М и т ы !
С о л н ы ш к о у ж е
п о д н и м а е т с ь ! ”

И к у д а б ы н и ш ё л
К у й к ы н я қ у , в с е г д а б е р ё т с
с о б о й в о л ш е б н у ю В е р ё в к у .
И д ё т о х о т и т ь с ь К у й к ы н я қ у ,
н и к о г д а б е з д о б ы ч и н е
в о з в р а щ а е т с ь .

Ҳыволай тумгу
нымэ в'аннатык,
қайтумгу Ҳанзев'
Амамқутинуффи
гаҲволэнав' ивик:
“Мынакмилла
ҲилҲын Куйкы-
няқунин!”

И-и, гатав'алҲылэ-
нав' Амамқутынин
сайысг'ын: Иля,
Анаққу, Кэсгынақо то
чакыгит Ключаңав'.
Гатав'алҲылэнав'
г'ытва, гаҲволэнав'
пыкийык. ГаҲволэн
ҲилҲын қатаматык:
“Тумгу! Куйкыняқу!
Қылқутги! Ыно-г'ат
накакмитгым! Наатулг'атгым! Ынуслулав' пыкэлай! Ыно-г'ат
накакмитгым!” УйҲа-а, ныйылқатқинат, Куйкыняқунти
Митинти уйҲа аксав'ка.

Прослышала про Верёвку-помощницу родня Куйкыняку — семья Амамкута. Стали родственники завидовать ему и так захотели они занять волшебную Верёвку, что решили выкрасть её у Куйкыняку. Сели в лодку все: Иляку, Анакку, Кэсгынако и сестра их Ключанав.

Подплыли они к берегу, где стояла землянка Куйкыняку. Увидела Верёвка приближающуюся лодку, закричала: “Друзья! Куйкыняку, Миты, просыпайтесь! Меня украсть хотят!” Но не слышат Куйкыняку и Миты, крепко спят.

А Иляку уже схватил Верёвку, тут откуда ни возьмись появился рогатый Ильгаму. Успел он ухватиться за другой конец Верёвки и как дёрнет её.

Ҳанзев'
гатав'аҗлэнав',
гаҗволэнав'
җакка г'ытвык
И л я ф ф и ,
Кэсгынақоффэ.
Нақам Иля
гинакмиллин

нымэ Ҳилҗык. Кытав'ут ынки гачепҗытолэн Ильгаму
сыннылг'ын. Гатиҗулин Ҳилҗын, гақамалеҗталэн. Ҳанзев'

г'ытвык гаҗалинав': Иляффи,
Кэсгынақоффи. Қутту ымоҗ
илг'ақану, ымыҗ сяқу-аму
ганг'алинав'. Гаҗволэнат Иля,
Ильгаму зиҗзиҗык. Ильгамынак
нымэ гайкыплылэн Иля,
инив'қин: “Гыта-а тумгинав' сяқу
акмиса, тумгинав' в'ыйин
савалг'оффэ! Чининсуната
гасунаньҗыволата!”

И-и, җанзен Иля нымэ
гайкыплылэн, малькит галқулин.
И-и, қонпо-оҗ җанзен Иля гаҗволэн
тыг'ылыгы у итык. Уйҗа асақка,
нақам ныйылтэлҗывоқэн.

Лодка перевернулась, и все, кто сидел в лодке,
попадали в воду, превратились они в разных
морских бычков. Один Иля спасся. Схватил его
Ильгаму. “Нельзя чужое брать! То, что другие
используют, нельзя воровать! Своим трудом надо
жить!” — стал учить он Илю. Еле-еле поднялся
побитый Иля на ноги. С тех пор стал он болеть.
Ничем он не занимается, не работает, всё время
лежит больной.

Куллу җанзен,
Клюкаңав' ыявайтоң
аңқата ганиңлылин,
кулин г'ытг'олайтың
ганиңлылин, ганом-
лэн. Ныйылтэлқин
Клюкаңав', ганомлэн.
Җывой қутык,
гагиталин — исг'ын

ымың амтупсюнуң итикын. Гаңволэн Клюкаңав' йичик сёмылг'о галгакэнав', сақсақэнав' гысгов'в'э, ысгин нинанпықинав' исг'ык қуқлук. И-и, ынкэ ныңывоқэн: “Тыңын-плю, тыңын-плю, тыңын-плю! Галлә, пық-пық-пық-пық!”

И-и, ньпиңкулг'атқин, нэнаечёвоқэн, выг'ак ымың исг'ык галгасга гинанпычулин, тықын галлә. Гаңволин нинагиталқив, ныңвоқэн қолэсавак: “Галгапэ-э-эль, элыг'апэ-э-эль, қаңаңъя-а-аң, комлаво-о-оң! Қик-қик! Тгын-плю, тгын-плю, тгын-плю! Галлә, пық-пық-пық-пық!”

Выг'ак гайиңалэн, аңқак ынки кусиңалыг'атың. Гасайтылин, гаңволэн чаймың тылак, ниналыг'уқинав' ыңсяв' сичг'амситумгу, қайтумгу нинанв'анңатқинав'.

А Клюканав выбросило на другой берег моря. Очнулась он на приливной полосе. Встала Клюканав, оглядела себя, а кухлянка-то её вся в дырах. Стала она по морскому берегу прыгать, собирать прибитые волнами птичьи перья.

Вставляет пёрышки в дыры, поёт: “Птичка-а-а-а, девушка-а-а-а, поё-о-о-от, танцует-э-э-эт!” Подпрыгивает Клюканав, взмахивает, как птица, руками, словно крыльями: “Кик-кик!”

Вставляет пёрышки в дырки: “Тгын-плю! Тгын-плю! Тгын-плю! Птичка, пык-пык-пык-пык!”

Клюканав облепила перьями всю кухлянку, стала похожа на птицу. Взлетела над морем и полетела к своему дому. Увидела на берегу моря братьев, свежавших нерпу, и запела красиво, залилась трелью, пусть услышат её родные, пусть удивятся:

И-и, атг'у ныңвоқэн нымэ қолэсавак, тит ысгынан нанг'ываломын, гаймат, нанг'ивын, сақгалгапэль сиңайкын: “Галгапэ-э-эль, эль'апэ-э-эль, қаңаңъя-а-аң, комлаво-о-оң! Қик-қик!..”

— Қыгиталагыткы, сақгалгапэл'ың сиңалыг'атикын? Ына, мәңқаң нымалг'ав' коқолэсаваң? Қыгиталато-о-ок!

В'ыйин Иля тыг'ыллыг'ын, гаңволин ивык: “Синна, сақгаллэ сиңалыг'атикын?” Тэлылыкагыңқо галляпычулин.

Кытав'ут малкумҗати:

— Алвалг'ин ынзин пычиқ! Ҳанзен Клюкаңав'!

И-и, ынки Клюкаңав' эв'тылаң гыг'иньҗалин, Иля гапэньзилэн:

— Сақың гив'лиң, мәңқаң гыммы алвалг'игым пычиқайгым!

И-и, Илянак уйҗа сақин ив'ка, нақам гайылтэлэн.

Что за диковинная птица? Какая певунья! Летает Клюканав, поёт: “Птичечка-а-а-а, девушка-а-а-а, поё-о-о-от, танцует-э-э-эт! Кик-кик!”

— Посмотрите, что за птичка летает! Послушайте, как красиво она поёт! — воскликнули братья.

Услышал крики больной Иля, выглянул из-за дверей, удивился: “Что это за птица летает?”

Тут догадался он и как закричит:

— Это не птица! Это Клюканав!

Клюканав упала на землю и набросилась на Илю:

— Зачем сказал, что я не птица!

Ничего Иля не ответил, опять лёг.

Ынкэ-э выг'ак җанзен гачепҗытолэн гымлаҗ Ильгаму. Синна-қ гунилуҗнин, эвыҗ:

— То-ок, манно, гаймат, гысса катгутви? Мынсим-зиҗмык!

Галқулин Иля малеёчга, малькит нычайвыльг'атқин,

галалин җанэнаҗ Илянаҗ сынныт нақам гаг'иньҗаллин. Иля Ильгамынак гантав'җаллэн ыявайтыҗ нотайтыҗ. Ыявак ганиҗлылин аёсқык, ынки гаг'иньҗаллин. Ыньҗыг'ан ныйылтэлҗывоқэн Иля. И-и, выг'ак лылат гаҗволэнат льяпычук. Ынкэ эльг'ав'-малельг'ав', нывэтатқэнав', ымыҗ нысақҗывоқэнав'. Җывонэн гитак. Җанзяв' выг'аю ымыҗ сяку кытав'ут эльг'ану ныҗвоқэнав' итык. Ымыҗ сақу җанко тыҗачг'у ныҗвоқэнав' чайвыльг'атык, ымыҗ нывэтатқэнав'.

Выг'ак гаҗволэн Иля җанко вакка ыйык, гаҗволэн г'опта сақу омакаҗ вэтатык, ымыҗ сақык ныв'инсянҗвоқэн. Ынзин-ак ынык җазин қулла: эльг'ав'-малельг'ав', калиэльг'а, калиҗав'. Ымыҗ җазин Нутаҗав'ыт җазин Нутапэль — җазин җанэ, эльг'ано ынин ваккы, ынзин җавысқату.

Тут появился откуда-то Ильгаму. Закричал он Иле:

— Выходи, Иля, побьёмся! Может, ты сильным стал!

Еле-еле поднялся Иля на ноги, шатается от слабости, прямо на рога Ильгаму упал. Поднял его Ильгаму на рога и отбросил далеко в тундру.

Упал Иля возле озера, прямо в лужу шлёпнулся. Очнулся он, а вокруг него девушки, писанные красавицы, ходят и все чем-то заняты, все работают. Залюбовался Иля на красавиц и видит: это травы всякие, растения, в девушек превращаются.

Поднялся Иля и стал тоже работать, помогать им. Вскоре красавицы стали его жёнами.

Қутту ынин чакыгэто: Тыңаккуффи, қулла Нутаңав'ыт. И-и ымың нынну, тиқын нутакинав', выг'а нытваңвоқэнав'.

Выг'ак ңывой қэялгыёг'ык. Ңыволай қитык ымың сақу. Наңвон ивык: "Иля-а, қысайтыгә! Сапкав'ңывоң муйык сюнатык, мызев' мую эв'тылайтың қулиннымсичг'этың мыссалқулламык!" Уйҗа аваломка қонпың.

Выг'ак ңывой қитык мимыл, җанко выг'ак гақитылин. Кысави, галаг'улин, эвын гаг'ыллалин, мынғылңын мимлык гақитылин. Гапәлалән, ынңыг'ан амынғыкылг'ән гасайтылин, ыннанмынғыл гасайтылин. Гаңволән амав'сичв'ын нақам гаалқив'лин, саак ваккы, ымың сақык ныв'иньсанңывоқән, қэй ыннанмынга, ымың сақык нымитқин, тықын алвалг'ин г'уямтав'илг'у ганг'алин.

И-и, выг'ак ңыволай җанзев' ялг'о аңаңычук. Ымың сақык нытапичгыңқинав', нымлав'қэнав', нысаайычуқэнав', нуйисватқинав'. Нақам Иля амав'сичв'ын нытваңвоқән. Выг'ак Амамқутынак гаёг'ылән:

Имена его жён: Нутанаут-тундрочка, Тнакку, Кутаувыт, Готанаут — от земли произошли, от тундры, от цветенья трав.

Счастливо зажил Иля. Но недолго его счастье продолжалось. Наступила холодная осень. Стали жёны говорить Иле, уговаривать: "Скоро мы в другое селение уйдём, подземное.

"Возвращайся, Иля, домой, ведь ты не сможешь жить под землёй". Не слушается их Иля, не хочет разлучаться с жёнами.

С каждым днём всё холоднее становится, уже и вода стала замерзать. Ушли жёны в подземное селение. Однажды проснулся Иля, кругом снег лежит, а рука его примёрзла к озёрному льду. Попытался Иля выдернуть руку, да не смог.

Вернулся он домой без одной руки. Удивляются родные Или, какой он стал работающий, будто другим человеком стал. Ни с кем не разговаривает Иля, молча работает, даже без одной руки всё делает.

Стали родственники к празднику готовиться, разные кушанья приготовили. Поют все, в бубен играют. Все веселятся, только один Иля молча сидит. Подошёл к нему Амамкут, говорит:

“Иля, г’опта тумгык
омакаң гақысвэльг’а-
ниңвота! Қыгит, тумгу
ымың гомачав’лаң
г’опта гамлав’ұывота,
гақолэсаваңвота!”
Гайылэнат Илянаң
в’апақат. Ҳанзет

ганулинатв’апақат. Выг’ак гаңволэн қолэсавак Иля. И-и,
синна, тита микнак аваломка қолэсавалг’ын, кытав’ут
наңвон ынки валомык, ымың г’анқав’лай сақык, нақам
ныпаломтэлқэнав’. Иля нықолэсавақэн, ынин
нинасаваңвоқэн нутапэляку, ымың
сақу ынин Ҳавысқато. Ынкэ-э ныңвоқэн:

*Нутаңэ-эв’, Нутаңаң-Ҳаң-Ҳаң-Ҳа-эв’,
Эльг’а-Ҳэ-эв’а-аң, аме-э-эн-наң,
Нотапэ-э-э-эль-ля, амъекоң-Ҳа-а-аң,
Амен, Энмы-Нута-аң!*

“И-и-и, ымың сяқ-Нутаңав’?”

*Тыңакку-Ҳэ-Ҳэ-э-э-эв’, готатэ-экон-на
Амъзе-э-ло-о-Ҳа аммэтг’а-аң!*

“И-и-и, Ҳанзев’-нэм, акилқун, сақуффи-аму косаваңнин?
Макиффи-аму салэльг’ав’ косаваңнав’?”

“Иля, не сиди угрюмый. Пой, танцуй, веселись вместе со всеми!” Дал он Иле
два мухомора. Иля съел мухоморы и тут только начал петь. Никогда не слышали
родственники, как поёт Иля, забросили они все дела и стали Илю слушать. А Иля
поёт печально, о своих красавицах жёнах-тундрочках поёт:

*Нутанэ, Нутана-җеңицина-а-а,
Моя Тундрочка-а-а!
Только всего хорошего тебе!*

*Тнаку-у-җеңицина-а-а, всегда цветущая!
Только счастья желаю тебе!*

“Что за девушки? Про кого он поёт?” — гадают родные.

Выг'ак гапыңлоңволэн:
“Иля, макиффи-ат
косаваңнав', сақэлыг'аффэ?”

Амав'сичв'ын Иля
нытвақэн, уйңа сяқин ив'ка.

И-и, гымла нинаңвоқэн
қолэсавак:

*Калиңа-ңэ-э-в'а-а-а,
Амин, Нутаңа-ңа-аң,
Эво-оң, эво-оң Нутаңаңэв'!*

“И-и-и, Нутаңав'ыт! Маки-аму
ынзин ңавысқат Нутаңав'ыт?”
Выг'ак гаксав'лэнав', гаңволэнав'
гымлэң вэтатык. Гаңволэнав' ивык:
“Иля! Қыятгэ-э! Қыңтогэ-э!

Элыг'ав'в'э сяллай!” Макиффи-аму
ңыволай ымың нутанинав' выг'айинав' чепңыток, элыг'атвак.
Гаңтолэн Иля, галаг'улин, ынин нысатқин, ңавысқата
мынғылңын нинансиқин.

Спросили они Илю: “Про кого ты поёшь, про каких девушек?”
Но молчит Иля, ничего не отвечает, поёт дальше:

*Красавица-а-а Нутана!
Моя жёнушка Нутананэв'!*

“А-а-а, Нутанав'ыт! Это же его жена!” — догадались родственники.

После праздника проснулись родные, принялись вновь за работу. Вдруг видят
они — девушки-красавицы идут, к их дому приближаются. Стали братья звать
Илю:

— Иля-а! Иди сюда! Выйди! Девушки пришли!

Тут травы начали подниматься и девушками становиться. Вышел Иля, увидел,
жена его идёт, руку его несёт.

Ынин Һавысқату тылалай, калиңаву... Элығ'аффэ-малельг'ав' ымоң калисг'алг'у галалэнав' Илянаң, Һазин мынғылңын ганпылин. Гаңволэн ынин мынғылңын силук. Выг'ак гакмиллин ынин Һавысқат Нутаңав'ыт:

— В'ото гымнин Һавысқат Нутаңав'ыт то ынзин ынин чакыгиту: Тыңакку, қуллу ынзин В'ытаңав'ыт то Қутав'Һав'в'ыт.

“И-и-и, В'ытаңав'ыт, Қутав'Һав'ыт!”

— Сичг'амситумгу, — ив'кэ Илянак. — Қутту гакмиллинав' чакыгиту Һавысқату!”

Қонпо-оң гаңволэнав' сунатык элығ'аффэ, тықын г'уямтав'илг'у. То-ок! Тышпыткук!

Подожли красавицы к Иле, приставила Нутанаут руку, приросла рука, будто всё время на месте была. Радостный Иля подвёл свою жену к родным и говорит:

— Вот моя жена Нутанаут и её сёстры: Тнакку, Готанаут и Котанаут.

“Ах, вот какие они, его жёны!” — восхищаются братья.

А Иля говорит им:

— Братья, возьмите других сестёр в жёны!

С тех пор стали жить все братья со своими жёнами счастливо. Жёны их навсегда в людей превратились, как люди, стали жить. Вот и сказке конец!

The Magic Rope

Long, long ago, Quikniaqu and his wife Miti lived by the sea. Here, on the coast, they prepared fish for winter. They put the dried fish, fish belly and spawn into their store house.

One day Quikniaqu began to notice that every day a little of his dried spawn disappeared. Surprised, he said to his wife: "Miti, who is stealing our spawn?" Quikniaqu then decided to put a net in the store house to catch the thief.

At this time a little boy called Kala lived nearby. It was he who was stealing the dried spawn from the old man. Little Kala wanted to steal some more dried spawn, but his mother warned him, "You must not do it! Quikniaqu will catch you!"

But Kala didn't listen to his mother's advice and, on entering Quikniaqu's store house, was caught in the net.

The next morning Quikniaqu went to check his trap. "Oh, what is caught in my net?" he said.

Then Quikniaqu began to think out loud.

"What shall I make from it? Maybe, I will make a bag for Miti."

"Please, don't make a bag from me!" — small Kala cried — "I will suffocate!"

"Then, shall I make a bed from you?"

"Please, don't make a bed from me! It will be such an uncomfortable bed!"

"Then, what shall I make from you?"

"Make a rope from me! I will become your assistant. I will help you in everything."

And that is what Quikniaqu did. However, it turned out that the rope was magic. It helped the old men in everything. At dawn, the rope woke the old couple.

"Wake up, Quikniaqu and Miti! The sun is rising!"

Wherever Quikniaqu went, he always took the magic rope. And when he went hunting, he never returned empty-handed.

Amamkut's family, relatives of Quikniaqu, heard about the rope and became envious. They so wanted to possess the magic rope that they decided to steal it. All of them sat in a boat, Iliia, Anakku, Kesgynako and their sister Kliukanav, and they sailed up the coast to Quikniaqu's house. The rope saw the boat, which was coming nearer, and cried.

"Friends! Quikniaqu, Miti, wake up! They want to steal me!"

But Quikniaqu and Miti, sleeping soundly, didn't hear.

Ilia seized the rope, but suddenly the horned Ilgamu appeared from nowhere. He had time to grasp the other end of the rope and pull it. The boat turned over, and everyone in it fell into the water where they turned into bullheads. Only Ilia was rescued.

Ilgamu has grasped him and angrily said.

“You must not take other’s things! You must not steal what others use! You must live by your own labour!”

Beaten, Ilia could scarcely stand up. And ever since that day he was sick. He couldn’t engage in anything, couldn’t work, and was ill in bed all the time.

Kliukanav was thrown out of the sea on another coast. Coming to on a tidal strip, she rose up and looked over herself. Her fur coat was full of holes so she began to jump all along the sea coast collecting feathers washed in by the waves. She put the feathers into the holes while singing.

“Little bird-bird-bird, pretty girl-girl-girl, she is singing-ing-ing, she is dancing-ing-ing!”

Kliukanav jumped, flapped her hands like a bird’s wings and called, “Kik-kik! Tgyn-pliu! Tgyn-pliu! Tgyn-pliu! A little bird, pyk-pyk-pyk-pyk!”

Kliukanav stuck feathers all over her fur coat and became like a bird. She then flew up above the sea and returned home.

She saw her brothers on the coast, flaying a seal, and began to sing beautifully to surprise her relatives.

What is that unusual bird? How beautifully she is singing! Kliukanav flew and sang.

“Little bird-bird-bird, pretty girl-girl-girl, she is singing-ing-ing, she is dancing-ing-ing! Kik-kik!”

“Look, what is that bird? Listen, how beautifully she is singing!” — the brothers cried.

Sick Ilia heard the cries, looked out from a doorway, and was surprised.

“What is that bird?”

Then he guessed and cried.

“It isn’t a bird! It’s Kliukanav!”

Kliukanav fell to the ground and attacked Ilia.

“Why did you say that I am not a bird?”

Ilia didn’t say anything and laid down again. Then Ilgamu, appearing from nowhere, cried.

“Go out, Ilia, let’s fight! Maybe, you will become strong!”

Ilia stood up, staggered from weakness and fell onto the horns of Ilgamu. Ilgamu lifted him on his horns and threw him far away into the tundra.

Ilia fell near a lake, plopped down into a puddle. He came to and saw that he was surrounded by beautiful girls. They were walking, engaged in something, and everybody was working. Ilia feasted his eyes upon the young women and realised that all sorts of plants and grass had turned into these girls.

Ilia stood up and began to help them work. Soon, the beautiful girls became his wives. The names of his wives, Nutanawyt — the girl of tundra, Tnakku, Kutanawyt, Gotanawyt, were taken from the ground, from the tundra, and from the blossoming of the grass.

Ilia began to live happily, but his happiness wasn't to last for long. The cold autumn came and his wives began to speak to Ilia, trying to persuade him by saying: "We shall leave for another settlement soon, it is underground. Return home, Ilia. You see, you can't live underground." Ilia didn't listen to them because he didn't want to be separated from his wives.

Day by day it became colder and colder, until even the water began to freeze. Ilia's wives had left for the underground settlement. One day Ilia woke up, there was snow all around, and his hand had frozen to the ice on the lake. Ilia tried to pull his hand from the ice, but he couldn't.

He returned home without a hand. His relatives were surprised about how hard-working he had become. It was as if he were a different man. Ilia didn't talk to anybody, he worked silently, and even without one hand he did everything.

His relatives began to prepare for a festival. They cooked various dishes. Everybody was singing and playing a drum. Everybody had fun, but Ilia sat in silence. Amamkut came up to him and said.

"Ilia, don't sit being gloomy. Sing, dance, and enjoy yourself with everyone else!"

He gave Ilia two fly-agarics. Ilia ate them up and then began to sing. His relatives had never heard Ilia sing before and all of them stopped to listen. Ilia sang sadly about his beautiful wives from the tundra:

*Nutane, Nutana-woman-man-man,
My women from the tundra-dra-dra!
All the best I wish you!*

*Tnaku-u-woman-man-man, you are always blossoming!
Only happiness I wish you!*

“What girls? Who is he singing about?” — his relatives wondered. They asked Iliia.

“About whom are you singing, about what girls?”

But Iliia kept silent, he didn’t answer, and went on singing:

Beautiful woman-man-man Nutana!

My wife Nutananew!

“A-a-a, Nutanawyt! It’s his wife!” — the relatives guessed.

After the festival Iliia’s relatives woke up and started to work again. Suddenly they saw some beautiful girls approaching their house. His brothers began to call Iliia.

“Iliia-a! Come here! Go out! The girls have come!”

The grass had turned into girls. Iliia went out and saw that his wife was coming, carrying his hand. The beautiful woman came up to Iliia and placed the hand back on his wrist. It was as if his hand had been in place all the time. Joyfully, Iliia took his wife to his relatives and said.

“This is my wife, Nutanawyt, and her sisters: Tnakku, Gotanawyt and Kotanawyt.”

“Ah, here they are, his wives!” — the Iliia’s brothers were delighted.

Iliia said them.

“Brothers, take Nutanawyt’s sisters for your wives!”

Ever since that day, Iliia and his brothers lived happily with their wives. The women became human forever and began to live as real people.

And that is the end of the fairy tale!

2003

A2-
035

文部科学省特定領域研究

環太平洋の「消滅に瀕した言語」
にかんする緊急調査研究

永山ゆかり 編

コリヤークの民話
「ふしぎななわ」

呉人 恵 序文

「環太平洋の言語」
環北太平洋班

